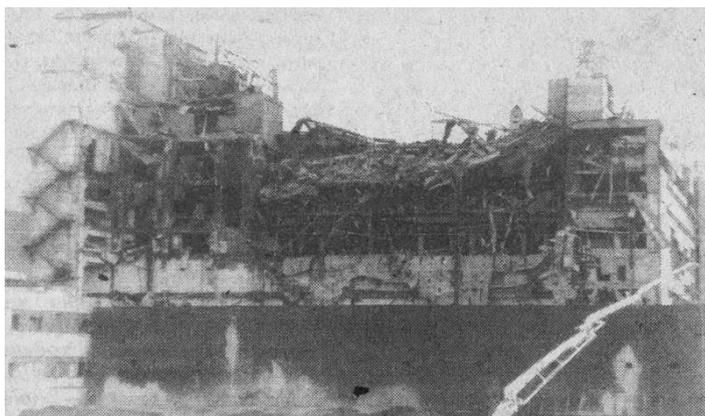

На работу - в бронированном автобусе

Едва взглянув на этот любительский снимок (сверху), мы без труда определим, что изображено на нем: это атомный реактор 4-го блока Чернобыльской АЭС, разрушенный страшным взрывом ночью 26 апреля 1986 года. Предоставил снимок наш земляк, участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, начальник отдела ТБ и дозиметрического контроля ГМЗ Александр Михайлович Теплов. Качество фотографии далеко не совершенно, но на то есть уважительная причина. Дело в том, что пленка в фотоаппарате от радиации засвечивалась, и фотоаппарат приходилось «упаковывать» в свинец.

Чернобыль... Не зря, видно, говорится, что трагедия и подвиг часто бывают неразрывно связаны, как сиамские близнецы. Чернобыль продемонстрировал не только ошибки, но и мужество людей, ликвидировавших последствия аварии. Их воспоминания еще долго будут открывать для нас неизвестные страницы Чернобыля.

Рассказывает А.М. Теплов:

- О самой катастрофе мы узнали на заводе на второй-третий день. Естественно, о каких-то подробностях не было ясно ничего, информации не было никакой. Очевидно было только одно: авария крупная. Не увидев этого развороченного реактора, я практически себе тоже не представлял масштабов аварии. Когда я прибыл туда и увидел картину разрушений, меня удивило больше всего то, как можно было вообще о такой аварии умолчать. Последствия аварии вышли за пределы Советского Союза. Разрушения были таковы, что их видно было отовсюду. Я как раз в тот год ездил на учебу в Москву в мае, и даже в Москве специалисты, которые читали нам лекции по дозиметрии, тоже ничего конкретного сказать об аварии не могли.

- Как вы оказались в Чернобыле? Вы поехали туда добровольно?

- В Чернобыль все ехали «добровольно-принудительно», потому что была разнарядка министерства. Нужны были, в частности, от нашего предприятия один инженерно-технический работник и четыре дозиметриста. В числе первых поехать в Чернобыль собирался старший инженер оперативного дозиметрического контроля ГМЗ А.И. Кореньков, но ему запретили врачи: он получил большую дозу облучения в ходе ликвидации последствий аварии на химкомбинате «Маяк». У нас группы формировались таким образом, что ездили по пять человек. Сформировали две группы. И вот в первую группу руководителем был направлен В.А. Русанов, инженер-дозиметрист, он тогда работал на ГРЗ, и с ним - дозиметристы В.А. Кривошеков, С.В. Коновалов, А.Н. Урусов. Во вторую группу

вошли помимо меня В.П. Корнеев, Ю.В. Иманов, В.Н. Кузнецов, Б.А. Долгополов. Работы в Чернобыле начались непосредственно в мае. Наша первая группа уже в июне была там. Задача была в обеспечении дозиметрического контроля при производстве работ по сооружению саркофага. В первую очередь - контроль радиационной безопасности.

Вся работа состояла из трех этапов. 1986 год - строительство укрытия. Затем была поставлена задача восстановления работоспособности 3-го блока ЧАЭС. Дело в том, что Чернобыльская атомная станция была одной из крупнейших в стране. Работало четыре блока, в декабре 1986 года должен был вступить в эксплуатацию 5-й блок, были закончены строительно-монтажные работы на 6-м блоке. Все блоки были построены автономно, кроме 3-го и 4-го. И после аварии, когда закрыли 4-й блок саркофагом, станцию надо было запускать и проработать возможность пуска 3-го блока. У нас на заводе была создана группа специалистов. В январе 1987 года наши дозиметристы в составе группы работников министерства сняли дозиметрическую характеристику во всех помещениях 3-го блока, и начались работы по его дезактивации и подготовке к запуску. Последний работник ГМЗ побывал в Чернобыле в 1990 году.

- Испытывали ли вы чувство страха перед радиацией?

- О страхе говорить неуместно. Мы по роду своей деятельности уже работали с радиацией. Нам было проще, чем людям, которые не сталкивались с радиацией до этой аварии. Мы знали, что это такое. Средства защиты от радиации были те же, что применяются и у нас на производстве. Вначале, когда мы поехали в Чернобыль, мы даже везли с собой спецодежду. От гамма-излучения есть лишь одна защита - время и расстояние. Мы жили в Бородинском районе, поселок Песковка, и от него километрах в двух - пионерский лагерь «Голубые озера». Вот там и развернули штаб, в котором находились все ликвидаторы. Он был километрах в 120 от Чернобыля. До Чернобыля мы доезжали на обычных автобусах типа «ЛАЗов», а в Чернобыле была пересадка на автобусы, которые заходили в «грязную» зону и были защищены с радиационной точки зрения. Такой автобус, как «Таджик», который в обычном виде весит 4 тонны, весил там до 12 тонн, потому что весь низ и бока у него были защищены слоем свинца. Получался настоящий броневик! До Чернобыля мы ехали еще в полувольном режиме, а потом надевали на лицо респиратор «Лепесток», садились в «бронированный» автобус, там сделана была воздуходувка внутри

для фильтрации воздуха. То лето на Украине было очень жарким, а у нас открыты были только кисти рук и часть лица, не закрытая «Лепестком». Даже на пальцах рук выступали капли пота... Так что выражение «Чернобыльское пекло» - это не преувеличение. Проезжали след «рыжего леса», даже в защищенном автобусе мощность дозы достигала 1 рентгена в час!

В памяти осталось многое. Например, там мы настолько обпились минералкой и пепси, что уже смотреть на них не хотели: питьевой воды на блоке не было, даже умыться было нечем. Сами мы постоянно проверялись на СИЧ, то и дело обнаруживая в организме радионуклиды, в основном - цезий.

- *Что вас поразило в Чернобыле больше всего?*

- Когда я приехал сюда, то всем говорил, что меня больше всего поразили патриотизм наших людей. Ведь приезжали туда люди, не связанные с радиацией, они не знали, что это такое. Зачастую случалось так, что их призывали в армию на переподготовку, они не знали, куда едут, и вдруг оказывались под Киевом. Солдаты, которым было от 35 до 50 лет.

Именно эти люди и проявляли патриотизм. Работа была организована таким образом, что в принципе в день человек должен был получить дозу в пределах 1 рентгена. А эту дозу человек получал... за 20 минут! Техника не выдерживала, ломалась. А люди справлялись.

- *Приходилось слышать, что сейчас саркофаг уже дает трещины...*

- Вообще-то он строился как сооружение, которое бы защищало от выбросов радиоактивности в атмосферу. Я был внутри саркофага в 1989 году. Он герметичным никогда и не был, видны были щели. Но свою роль, в принципе, он сыграл. Лет 30 он должен послужить. Хотя уже в 1989 году шли разговоры, что нужно делать что-то более монументальное.

- *Как сложилась судьба побывавших в Чернобыле работников ГМЗ?*

- У нас с завода в Чернобыле побывали 19 человек: 18 дозиметристов и один электрик. Пока у нас, к счастью, нет инвалидов. А по Красноярскому краю, я слышал, каждый четвертый из «чернобыльцев» - инвалид. Хотя у некоторых из наших здоровье уже на грани инвалидности. Один человек получил бытовую травму, сейчас он – инвалид третьей группы. Долго не заживала у него нога, я не знаю причин, но, вероятно, Чернобыль тоже повлиял, потому что большая доза там приходилась на ноги, а не на тело человека. У другого «чернобыльца»

развилась катаракта. Прямой связи с работой в Чернобыле вроде бы и нет, но косвенная возможна. Но пока, слава богу, все живы.

- Часто причину Чернобыльской аварии видят только в ошибках персонала, - добавил начальник БОИ ГХК **П.В. Морозов**. - Да, была допущена персоналом целая серия грубых, непростительных ошибок, но должна была подстраховать и техника. К сожалению, в конструкторских проработках, особенно в скорости срабатывания защиты, были допущены существенные ошибки, что и привело к аварии. Мне не нравится, когда списывают вину на ребят, которые погибли. Не секрет, что время срабатывания защиты было 18-20 секунд, сейчас ее сделали 3 секунды. Если бы тогда защита сработала за 3 секунды, то при всех тех ошибках персонала аварии такого масштаба не было бы. Все новое строится с учетом допущенных ошибок. Мы тоже свой реактор испытывали. Первый регламент реактора, когда я начинал работать, был страничек 25 печатного текста! Сейчас - 3 части регламента, и в каждой около 100 страниц. Весь опыт заложен в инструкции. Плюс противоаварийные тренировки. У нас есть сборники всех аварий и упущений, мы их изучаем. Самое страшное для работающих в атомной промышленности - потерять бдительность и внимание.

... 26 апреля 1986 года, 10 лет назад, доверие к атомной энергетике дало заметную трещину. Призрак Чернобыля и сегодня не позволяет успокоиться, будоража умы общественности, научных кругов и простых обывателей. Дай Бог, чтобы горькие уроки трагедии не позволили ей повториться.

«Чернобыльская» техника на вечной стоянке

Не многие горожане знают, что в районе площадки ИХЗ находится «кладбище» брошенной чернобыльской техники. Какова ее дальнейшая судьба? На этот вопрос мы попросили ответить начальника БОИ ГХК Павла Васильевича Морозова.

- Я не согласен с термином «брошенная». Она находится под контролем.

- Следит ли кто-то за ее состоянием?

- Конечно. Полигон огорожен, доступ туда людей ограничен, допускаются только те, кто имеет право обслуживать эту технику. Ведутся работы, чтобы не было разноса с талыми водами и выхода радиоактивности за пределы нашего полигона твердых бытовых отходов. То есть соблюдаются все нормативы по обращению с твердыми радиоактивными отходами. И гамма-фон там небольшой.

Я сам там не раз бывал, ходили с приборами. Гамма-фон 150-160 микрорентген в час. Ничего такого, что могло бы нанести ущерб окружающей среде, там нет.

- *Судя по всему, чернобыльская техника обречена оставаться там на веки-вечные?*

- Скорее всего. Кое-что мы для себя отмываем, используем для работы на комбинате. Поначалу нас заставляли отмывать, были созданы специальные бригады. Но выяснилось, что отмывка стоит дороже, чем новая техника, и это было признано нецелесообразным с экономической точки зрения.

Так получилось, что близ нашего города есть «чернобыльская памятка».

На работу - в бронированном автобусе : [воспоминания «ликвидаторов» последствий Чернобыльской аварии] // Город и горожане. - 1996. - 26 апр. - С. 6.